

На правах рукописи

Синица Наталья Александровна

**Портретирование как методика
этнолингвистических исследований
(на материале образов священнослужителей в
славянских языках)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2018

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Березович Елена Львовна

Официальные оппоненты: **Коновалова Надежда Ильинична,**
Доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», профессор кафедры общего языкознания и русского языка;

Кондратенко Михаил Михайлович,
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», доцент кафедры теории языка и немецкого языка

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Защита диссертации состоится «30» мая 2018 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.22 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=277190>

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование выполнено в русле этнолингвистики – раздела языкознания, изучающего язык в его связи с традиционной культурой. В современной славистике это направление представлено работами таких ученых, как Т. А. Агапкина, Н. П. Антропов, Е. Бартминьский, М. Белетич, О. В. Белова, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, И. Ванькова, Т. В. Володина, А. В. Гура, Л. П. Дронова, М. В. Жуйкова, Г. И. Кабакова, И. Б. Качинская, В. И. Коваль, М. М. Кондратенко, Н. И. Коновалова, Т. В. Махрачева, Д. Младенова, А. Б. Мороз, И. А. Морозов, С. Небжеговска-Бартминьска, Е. А. Нефедова, С. Е. Никитина, А. А. Плотнокова, И. А. Подюков, И. И. Русинова, И. А. Сedaкова, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, А. Тырпа, В. Хлебда, О. А. Черепанова, А. В. Юдин, М. В. Ясинская и др. Реконструкция фрагментов народной картины мира на основе семантико-мотивационного анализа русской диалектной лексики и ономастики (на славянском фоне) осуществляется представителями Уральской этнолингвистической школы – Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко (Казаковой), Е. О. Борисовой, К. С. Верхотуровой, Ю. Б. Воронцовой, А. А. Едалиной, М. А. Ереминой, Ю. А. Кривошаповой, В. С. Кучко, Т. В. Леонтьевой, А. А. Макаровой, О. В. Моргуновой (Атрошенко), К. В. Осиповой (Пьянковой), И. В. Родионовой, М. Э. Рут, О. Д. Суриковой, А. В. Тихомировой, Л. А. Феоктистовой, Е. В. Шабалиной и др. К этому направлению принадлежит и данная работа.

Этнолингвистика имеет дело с языковой картиной мира – совокупностью суждений об объектах внеязыковой действительности, закрепленных в языке. Эти суждения изначально не упорядочены, и в задачи исследователя входит их реконструкция и систематизация. Один из вариантов систематизации – составление этнолингвистического портрета. Это исследовательский прием, позволяющий максимально подробно реконструировать культурно-языковой образ, определить частотность и значимость отдельных черт и признаков, приписываемых исследуемому объекту, установить взаимосвязи между чертами одного объекта и сопоставить представления о сходных объектах внутри одного языка и в разных языках и культурах. В настоящей работе охарактеризованы основные закономерности организации этнолингвистических портретов на материале образов служителей христианского культа в русском, польском, украинском и белорусском языках.

В этнолингвистике накоплен достаточный опыт портретирования культурно значимых реалий. Свои примеры портретов представили Т. А. Агапкина, Е. Бартминьский, Е. Л. Березович, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, Д. П. Гулик, А. В. Гура, Г. И. Кабакова, Ю. А. Кривошапова, С. Е. Никитина, М. Э. Рут, С. М. Толстая и др. Однако существующие разработки в этой области достаточно разнородны, не имеют единой методики и принципа построения. В связи с этим актуальны

следующие вопросы: 1) что представляет собой объект портретирования, какие ограничения на него накладываются; 2) какими параметрами обладает этнолингвистический портрет и какими способами систематизируется входящая в него информация; 3) каковы принципы контрастивного исследования портретов, на каких уровнях и по каким критериям их можно сопоставлять.

Попытка ответить на эти вопросы предпринята в настоящем исследовании, **актуальность** которого обусловлена тем, что в современной этнолингвистике и общей теории языка не подвергалось еще методологической рефлексии этнолингвистическое портретирование, являющееся эффективной методикой организации и представления результатов этнолингвистического исследования. Кроме того, в славистике отсутствуют сопоставительные работы, в которых рассматриваются общие и уникальные черты, формирующие языковые образы священнослужителей.

Наиболее устойчивые и значимые черты реалий отражены в таких данных, которые имеют системно-языковой статус. Именно поэтому в качестве базы для этнолингвистического портрета мы выбрали **деривационно-фразеологическое гнездо** – лексический комплекс, в который входят семантические и семантико-словообразовательные дериваты исследуемого слова, фразеология и паремиология с его участием¹. Деривационно-фразеологическое гнездо помогает охарактеризовать потенциал ассоциативно-деривационной и фразеологической семантики того слова, которое является вершиной гнезда, – тем самым может быть выявлен его коннотативный спектр.

Таким образом, **объектом** исследования являются деривационно-фразеологические гнезда, включающие в себя русские, польские, украинские и белорусские диалектные и общенародные семантические дериваты лексем, которые обозначают церковно- и священнослужителей, фразеологизмы и поговорки, в которых присутствуют эти обозначения.

Предмет анализа – структура и способы построения этнолингвистического портрета; при этом портретирование понимается как методика этнолингвистического исследования, а портрет – как способ представления результатов семантико-мотивационной реконструкции.

Цель работы – охарактеризовать основные принципы портретирования в этнолингвистических исследованиях и закономерности организации этнолингвистических портретов (на материале языковых образов русского, украинского, белорусского и польского духовенства).

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

---

¹ Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. – М., 2014. – С. 14.

- 1) определить содержание понятий «портрет» и «портретирование» в современной лингвистической традиции;
- 2) обозначить задачи и принципы портретирования в практике этнолингвистических исследований;
- 3) охарактеризовать возможные способы систематизации информации для этнолингвистических портретов;
- 4) выявить корпус русских, украинских, белорусских и польских обозначений служителей христианского культа, которые дают семантическое развитие в диалектах и общенародном языке;
- 5) определить состав деривационно-фразеологических гнезд, вершинными словами которых являются обозначения служителей культа в исследуемых языках;
- 6) произвести мотивационный анализ лексики каждого деривационно-фразеологического гнезда, выявить мотивы и мотивационные признаки, положенные в основу вторичных номинаций и фразеологизмов;
- 7) осуществить семантическую реконструкцию «темных» в мотивационном отношении фактов славянской лексики, фразеологии и паремиологии, основанных на наименованиях служителей культа;
- 8) определив релевантный объекту портретирования способ систематизации информации, составить этнолингвистический портрет на основе мотивов, реализующихся в каждом деривационно-фразеологическом гнезде;
- 9) систематизировать входящие в портрет признаки по тематическому принципу, логическому статусу, характеру подачи информации, особенностям «принимающей» семантической сферы;
- 10) сопоставить портреты разных служителей культа внутри одной языковой традиции и на межъязыковом уровне: определить уникальные черты, проявляющиеся в портретах отдельных служителей культа и в отдельных культурно-языковых традициях, а также признаки, объединяющие портреты всех служителей культа (или различных категорий служителей) во всех исследуемых лингвокультурных традициях;
- 11) сделать выводы о структуре и закономерностях организации этнолингвистических портретов в зависимости от объекта портретирования, о принципах контрастивного изучения портретов.

Материал для данного исследования выбирался в несколько этапов. Для выделения опорных слов использовались «Словарь православной церковной русской культуры» Г. Н. Скляревской, «Православный словарь» Н. Будур, «Энцыклапедычны слоўнік рэлігійнай лексікі беларускай мовы» под ред. У. М. Завальнюка, Н. Г. Пригодича, «Католическая энциклопедия» («Encyklopedia Katolicka») под ред. Э. Гигилевича.

Методом направленного отбора по производящей основе было просмотрено более 45 диалектных, литературных, фразеологических словарей русского языка («Словарь русских народных говоров», «Голковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словарь говоров Русского Севера», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь русских говоров Среднего Урала», «Ярославский областной словарь» и др.), более 10 словарей польского языка («Словарь польских народных говоров» («Słownik gwar polskich») под ред. М. Карся, «Словарь кашубских говоров на фоне народной культуры» («Słownik gwar Kaszubskich na tle kultury ludowej») Б. Сыхты и др.), более 20 словарей украинского языка («Словник української мови» Б. Гринченко, «Словник західнополіських говірок» Г. Л. Аркушина и др., всего более 20 источников) и более 20 словарей белорусского языка («Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі», «Тураўскі слоўнік» и др.).

Источниками паремиологического материала послужили более 15 словарей русского, польского, украинского и белорусского языков. Среди них «Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Українські приказки, прислів'я і таке інше» М. Номиса, «Глумачальны слоўнік прыказак» И. Я. Лепешева и М. А. Якалцевича, «Новая книга польских пословиц и устойчивых выражений» («Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich») под ред. Я. Кржижановского и др.

Кроме того, значительная часть материала была извлечена из неопубликованных источников: лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ УрФУ) по территориям Архангельской, Вологодской и Костромской областей, картотеки словаря украинских говоров Закарпатской области Н. А. Грицака, хранящейся в Институте украинского языка НАН Украины (Киев), этнолингвистического архива Университета Марии Кюри-Склодовской (Люблин) и картотеки «Словаря польских говоров», хранящейся в отделе диалектологии Института польского языка ПАН (Краков)². В работе ТЭ УрФУ принимал участие автор настоящего исследования (9 полевых выездов, 2009–2017 гг.).

Аналізу подвергаються 1925 мовних фактів, з них 653 стосуються до російської мовної традиції, 519 – до польської, 498 – до української, 255 – до білоруської. На їх основі складені 69 етнолінгвістических портретів християнських священно- і церковнослужителів: 17 з них створені на

---

² Выражаем сердечную благодарность белорусским, украинским и польским коллегам – проф. Т. В. Володиной (Минск), П. Е. Гриценко (Киев), А. Тырпе (Краков), Е. Бартминьскому, С. Небжеговской-Бартминьской (Люблин) за возможность работать с источниками славянского языкового материала, в том числе неопубликованными.

материале русского языка, 27 – на материале польского, 14 – на материале украинского, 11 – на материале белорусского языка.

Для выявления портретных черт и мотивационных признаков, составляющих портрет, применяются следующие **методы и процедуры анализа**: семантико-мотивационная реконструкция лексического и фразеологического материала, ономаσιологический, этимологический, контрастивный, семасиологический и контекстный анализы. Используются также приемы идеографической классификации и лингвостатистики.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые на основе комплексного лингвистического анализа деривационно-фразеологических гнезд, образованных на основе русских, украинских, белорусских и польских обозначений служителей культа, охарактеризованы закономерности организации этнолингвистического портрета: особенности объекта портретирования, принципы структурирования и подачи информации, составляющей портрет, возможности сопоставления портретов. В научный оборот введен новый лексический и фразеологический материал, в том числе извлеченный из неопубликованных русских, польских и украинских полевых источников. Осуществлена семантическая реконструкция ряда лексем, «темных» в мотивационном отношении.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней осуществлена разработка принципов и методики этнолингвистического портретирования, а также контрастивного изучения портретов реалий, выполненных на материале разных языков. Выводы диссертации могут представлять интерес для методологии языкознания, этнолингвистики, контрастивной семантики.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенной методики и представленного материала в практике вузовского преподавания – в курсах по диалектологии, этнолингвистике, славистике, мотивологии и семантике. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в практике составления этнолингвистических словарей славянских языков.

Степень достоверности результатов определяется достаточным объемом проанализированного материала (1925 лексических единиц и паремий, на основе которых составлено 69 этнолингвистических портретов), а также использованием адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, позволяющих построить этнолингвистические портреты служителей христианского культа и на их примере охарактеризовать основные закономерности реконструкции и сопоставления портретов.

Апробация работы. Основные положения были изложены автором в докладах на II и III международных научных конференциях

«Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2012, 2015), Втором всероссийском совещании славистов (Москва, 2013), III Всероссийском конгрессе фольклористов (Москва, 2014), Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы лингвистического краеведения», посвященной 80-летию доцента кафедры русского языка К. Н. Прокошевой (Пермь, 2014), Международной конференции молодых ученых «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (Москва, 2015), I конференции студентов и аспирантов «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» (Санкт-Петербург, 2012), XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2011), межвузовской конференции молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, 2010, 2011, 2013, 2014). По теме исследования опубликовано 17 работ, из них 4 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы включает в себя введение, 3 главы, заключение и пяти приложений. Общий объем работы – 295 страниц (без учета приложений).

Положения, выносимые на защиту:

1. Народные представления о конкретных объектах действительности (в том числе персонажах), отраженные в вербальных кодах традиционной культуры, могут быть реконструированы с максимальной полнотой с помощью методики этнолингвистического портретирования. Этот способ комплексного представления результатов этнолингвистического исследования позволяет выявить структуру и основные черты языковых образов и сопоставить образы, сложившиеся в разных лингвокультурных традициях.

2. Ядро стереотипных знаний о реалии отражено в языковых фактах, закрепленных в системе языка. Имя портретируемой реалии является вершинным словом деривационно-фразеологического гнезда, включающего в себя семантические и семантико-словообразовательные дериваты на основе этого слова, а также фразеологизмы (и в необходимых случаях паремии) с его участием. Портрет строится на основе признаков и мотивов, выявленных посредством семантико-мотивационного, ономазиологического и контекстного анализа лексики, составляющей такие гнезда.

3. Важными параметрами этнолингвистического портрета являются степень субъективности мотивов (выделяются объективные и субъективные мотивы) и их логический статус (мотивы делятся на качественные, акциональные, ситуационные, мотивы-атрибуты, мотивы-партнеры; этот список может быть расширен).

4. Этнолингвистические портреты реалий должны иметь такую структуру, которая позволяет сравнивать их на разных уровнях: между

разными диалектами одного языка; между разными языками; между разными субстанциональными кодами одной лингвокультурной традиции; между разными хронологическими пластами, относящимися к одной и той же лингвокультурной традиции; между разными лингвокультурными традициями.

5. Для систематизации информации, организующей этнолингвистический портрет, целесообразно использовать тематический принцип, позволяющий наиболее последовательно отразить содержание народных представлений о реалии. В частности, в составе портретов служителей культа, реконструируемых на основе славянских лингвокультурных традиций, выделяются группы мотивов, характеризующие внешний вид, возраст, интеллект, поведение и личностные качества, образ жизни, хозяйство, семью, обрядовые действия, социальное положение и отношение к сфере сверхъестественного.

6. Степень детализации информации, отраженной в портрете, определяется как условиями контактов номинаторов с реальией, так и внутриязыковыми факторами – например, выразительностью звукового облика слова и его контаминационной активностью. Говоря о портретах священнослужителей, следует отметить, что в наибольшей степени детализированы портреты православного попа и католического ксендза, в наименьшей – православных и некоторых католических высших чинов (архимандрита, митрополита, каноника) и католических низших чинов (костельного, кантора).

7. Показательную в этнолингвистическом плане информацию дает анализ реципиентных семантических сфер, которым принадлежат значения семантических дериватов, образованных от вершинных слов каждого деривационно-фразеологического гнезда. Например, семантические дериваты на основе обозначений служителей культа номинируют: а) растения; б) животных; в) предметы быта; г) игры и игровые принадлежности; д) физические свойства человека; е) черты характера и интеллект; ж) образ жизни человека; з) особенности речи; и) состояние болезни и смерти.

8. Методика этнолингвистического портретирования позволяет сопоставить отдельные портреты и их совокупности («галереи»), реконструируемые по данным различных лингвокультурных традиций. При этом могут быть выявлены как константы, характерные для «галереи» в целом, так и уникальные мотивы. В результате сравнения портретов служителей культа в славянских языках выявлены различия в восприятии этих образов носителями православной и католической культур. Для наивных образов православных священнослужителей специфичны такие разноплановые детали, как прямостоячая поза, длинные волосы, наличие

семьи (жены); для католических – красный, фиолетовый или коричневый цвет одеяния, занятия травничеством, нечистоплотность, трудолюбие.

9. В ходе изучения портретов целесообразно сопоставить между собой их ряды, объединенные тематической близостью портретируемых реалий. Так, в портретах немонастырского духовенства в большей степени проявлены мотивы и признаки, отражающие внешний вид (одежда, прическа, головной убор, фигура) и обрядовые действия (крещение, венчание, погребение), а в портретах монастырского – особенности поведения и образа жизни (уединенность, аскетизм).

10. При сопоставлении мотивной структуры деривационно-фразеологических гнезд выявляются семантико-мотивационные параллели, образованные на основе обозначений различных реалий. Обнаружение таких параллелей помогает осуществить реконструкцию ряда «темных» фактов на основе лексических единиц с ясной мотивацией. На основе методики семантико-мотивационных параллелей были предложены решения для рус. диал. *non* ‘прямостоящий предмет’, ‘головастик’, рус., укр. диал. *монах*, польск. *mnich* ‘водоспуск у плотины’, кашуб. *vikari jażdł (přejażdł)* <викарий ехал (приехал)> ‘о подгоревшем блюде’, польск. диал. *kapucyńskie śniadanie* <капуцинский завтрак> ‘нюхательный табак’ и др.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность исследования, обозначаются объект, предмет, цели и задачи работы, основные методы и процедуры анализа, описывается специфика материала и его источники, приводится обзор литературы, определяется структура работы.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Портретирование в этнолингвистическом исследовании: общий обзор» посвящена общим принципам составления этнолингвистических портретов и их контрастивного исследования. В **параграфе 1.1** «О термине *портрет* в практике лингвистических исследований» рассматривается история и различные варианты применения термина *портрет* в лингвистической науке: от портрета языковой личности – фонетического, социолингвистического, речевого и др. (Т. Г. Винокур, Н. Д. Голев, Т. И. Ерофеева, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, Т. М. Николаева, М. В. Панов, Н. Н. Розанова и др.) до лексикографического портрета слова (Ю. Д. Апресян и его школа).

В **параграфе 1.2** «Портретирование в лингвокультурологических и этнолингвистических исследованиях» рассмотрены варианты портретов, которые используются в рамках широко понимаемой этнолингвистики: концепция когнитивной дефиниции, разработанная в рамках Люблинской

этнолингвистической школы, методика тезаурусного описания языка фольклора, предложенная С. Е. Никитиной, схема описания реалии, используемая представителями Московской этнолингвистической школы (схема описания мифологического персонажа Л. Н. Виноградовой, А. В. Гуры, О. А. Терновской, С. М. Толстой, Г. И. Кабаковой, портреты животных, составленные А. В. Гурой, портреты инородца, разработанные О. В. Беловой, портреты деревьев, созданные Т. А. Агапкиной), и ономаσιологический портрет, применяемый в исследованиях уральских этнолингвистов (Е. Л. Березович, Д. П. Гулик, А. А. Едалина, М. А. Еремина, М. Э. Рут, Д. В. Спиридонов, А. В. Тихомирова, Л. А. Феоктистова). В последние годы стал использоваться также термин *этнолингвистический портрет* (Ю. А. Кривошапова, Е. Л. Березович, В. Б. Колосова, Е. И. Рыбникова).

В параграфе 1.3 «Объекты портретирования в этнолингвистике» охарактеризован объект этнолингвистического портретирования – наивное представление о каком-либо предмете или явлении действительности, закрепленное в языке и культуре. В рамках «широкой» этнолингвистики портрет может строиться на основе данных фольклора, верований, обрядов и других неязыковых субстанциональных кодов культуры. В рамках «узкой» этнолингвистики целесообразно в качестве объекта портретирования рассматривать смысловое пространство отдельной лексемы, так как наборы портретных черт, выделяющихся в результате анализа синонимов, нередко различны. На наличие или отсутствие в составе портрета тех или иных черт может влиять стилистическая окраска слова (так, стилистически окрашенное слово *поп* открывает гораздо больше возможностей для портретирования, чем нейтральное *священник*) или внутренняя форма (например, «факурс», в котором изображается *чернец* в соответствующем портрете, во многом задан признаком черного цвета, присутствующим во внутренней форме слова).

В большинстве случаев объект портретирования конкретен: в портретах воссоздаются представления о людях с точки зрения их этнической или профессиональной принадлежности и черт характера, животных и растениях, неодушевленных предметах (одежде, небесных светилах и т. д.).

Количество черт (мотивов, признаков), составляющих портреты, разнится. Есть максимально наполненные портреты, в которых воссоздана практически исчерпывающая информация о реалии (ср., например, портрет попа в русской языковой традиции), содержащая как объективно ей присущие, так и субъективно приписываемые черты. Такой портрет фиксирует представление о реалии, хорошо знакомой носителю культуры. «Минимальный» портрет же обычно связан с реалиями, с которыми носитель народного сознания соприкасается редко: так, портрет архиерея или каноника включает 1–2 черты. В качестве параллели можно привести

термины *концепт-максимум* и *концепт-минимум*, используемые А. Вежбицкой (первый предполагает полное владение смыслом слова, присущее носителю языка; второй – неполное владение, которое, однако, не может быть меньше определенного значения).

В параграфе 1.4 «К вопросу о способах систематизации информации, составляющей этнолингвистический портрет» проанализированы труды по славянской этнолингвистике, в которых используются разные способы группировки признаков, составляющих портрет. Основной способ – тематический (выделяются признаки, характеризующие внешний облик портретируемого объекта, его основные действия, функции и т. п.). Дополнительный способ систематизации – по степени объективности / субъективности: к примеру, в польск. диал. *biskupowy* <епископский> ‘фиолетовый’ фиксируется объективно поданный признак цвета одеяния епископа, а в рус. диал. *попова скуфья* ‘одуванчик, дикий цикорий’ – формы головного убора священнослужителя, – в то же время в рус. сиб. *поповы глаза*, бел. слущк. *папоўскае вока*, укр. ивано-франк. *засдрісний як попівське око* ‘о жадном и завистливом человеке’, польск. мазов. *tięć porię oczu* <иметь поповы глаза> ‘быть жадным и завистливым’ запечатлена субъективно-оценочная информация. Еще один дополнительный способ предполагает учет субстанциональных культурных кодов, в которых проявляются те или иные черты образа, а также жанровой принадлежности текстов. Так, во внутренней форме лексических единиц нередко отражаются качественные мотивы: например, одним из наиболее ярких мотивов в образе попа и некоторых других священнослужителей является мотив прямостояния, связанный, вероятно, с тем, что фигура священнослужителя возвышается над прихожанами во время богослужения (рус., укр. *на попа*, бел. *на папа* ‘вертикально’, рус. карел. *монах* ‘укладка зерновых или технических культур на поле’, укр. *чернець* ‘одинокая кегля (в игре в городки)’). В то же время в паремиологии чаще оказываются запечатленными акциональные мотивы (например, мотив проповеди: укр. «Піп два рази казання не говорит», бел. «Што новы поп, то новая проповідзь»). О качественных и акциональных мотивах подробнее см. обзор параграфа 2.1.

В параграфе 1.5 «Принципы сопоставления этнолингвистических портретов по данным разных языковых традиций и субстанциональных кодов культуры» объясняется целесообразность применения метода этнолингвистического портретирования в компаративных исследованиях: единая структура, по которой строятся все портреты, делает их сопоставимыми, позволяет выявить универсальные признаки, представленные во всех исследуемых группах портретов, и определить

лакуны: черты, проявленные только в одной или нескольких группах и отсутствующие в других.

Охарактеризованы 5 основных уровней сопоставления портретов: между разными диалектами одного языка, между разными языками, между разными субстанционными кодами одного языка, между разными хронологическими пластами, относящимися к одной и той же лингвокультурной традиции, между разными культурами (этническими, конфессиональными и др.).

ВТОРАЯ ГЛАВА озаглавлена «Опыт моделирования этнолингвистического портрета (на основе портретов служителей культа в русском, польском, украинском, белорусском языках)».

В параграфе 2.1 «Моделирование портретов в этнолингвистическом исследовании» выделены основные принципы классификации портретных черт, которые применяются при построении этнолингвистических портретов служителей культа в славянских языках. Портрет, как говорилось выше, строится на основе деривационно-фразеологического гнезда, вершинным словом которого является церковный термин (обозначающий служителя христианского культа) в его первичном (для народной традиции) значении. Например, в деривационно-фразеологическое гнездо рус. *поп* войдут семантические дериваты (новг. *поп* ‘вид бабочки’), семантико-словообразовательные производные (орл. *попóк* ‘лягушонок’), устойчивые сочетания (пск. *поп на сивой кобыле ездит* ‘шутл. о темной ночи’, «Поповского брюха не набьешь»).

С помощью семантической реконструкции, этимолого-ономасиологического и контекстного анализа лексических единиц, входящих в состав деривационно-фразеологического гнезда, можно выявить комплекс мотивационных признаков и мотивов, которые отражают актуальные для языка и культуры свойства исследуемой реалии. Верификацию выявленных мотивационных признаков следует осуществлять в первую очередь с учетом семантико-мотивационных параллелей (лексических рядов, которые демонстрируют сходные модели смыслового развития). Важно, чтобы разные портреты имели сходную структуру, поскольку это дает возможность сравнить данный портрет с другими в «галерее» или же с портретом этой же реалии другом языке или культурном коде. На основе такого контрастивного анализа выявляются общие или наиболее акцентированные свойства разных реалий и лакуны. К примеру, в восточнославянских языковых традициях делается акцент на такой атрибут попа, как его собака. Представления об этой детали отражены как в системно-языковых данных – обозначениях растений, животных, характеристиках людей (рус. моск. *поп-поп, выгони собачку* ‘растение

нивяник', ворон., ряз., сарат. *попова собака* 'род гусеницы-плодожорки', калуж. *кіла-кіл'а́чка, попова собачка* 'о человеке, отставшем от других', прикам. *пережить поповскую собаку* 'прожить очень долго', горьк., сиб. *старше поповой собаки*, укр. днепр. *старий як попова собака* 'о пожилом человеке или о чем-л. обветшалом', укр. *бреше, як попова собака*), так и в малых жанрах фольклора – поговорках и приговорах (рус. «Житье – хуже поповой собаки», «Поповой собаки, да отставного солдата, да старой девки злее нет», укр. «Невмивака – попова собака», «Попові собаку та батьком назвати», бел. голел. «Поп на том свеці за собаку»; ср. также детский бесконечный приговор: «У попа была собака. Он ее любил. Она съела кусок мяса – Он ее убил...»). Что касается польской традиции, то в ней наблюдается лакуна: образ поповой собаки не представлен.

Мотивационные признаки, являющиеся основными **структурными элементами** портретов, можно классифицировать по тематике, по логическому статусу и степени субъективности / объективности информации, отраженной в мотиве.

Тематический принцип классификации наиболее близок структуре народных представлений. Самая полная структура портрета служителя культа включает в себя десять аспектов: ▪ внешний вид, ▪ возраст, ▪ интеллект, ▪ характеристики поведения, ▪ личностные качества, ▪ хозяйство, ▪ семья, ▪ обрядовые действия, ▪ общая связь со сферой сверхъестественного, ▪ социальный статус.

По своему логическому статусу составляющие портрет служителя культа мотивы и признаки подразделяются на 5 групп: ▪ качественные мотивы (опираются на собственные характеристики, признаки и особенности служителя культа: наличие тонзуры, длинные волосы, черный цвет одежды, жадность и т. п.); ▪ акциональные мотивы (отражают действия, которые либо совершает служитель культа: обедня/месса, заутреня, исповедь, крещение, венчание, либо совершает кто-то по отношению к нему: обман, воровство и т. д.); ▪ ситуационные мотивы (дают представления о жизненных обстоятельствах и ситуациях, связанных со служителем культа: затворничестве, безбрачии, нищенствовании и др.); ▪ мотивы-атрибуты (отражают представления о предметах и персонажах, связанных со священником и зависящих от него: попадье, собаке, кадиле, кропиле и т. д.); ▪ мотивы-партнеры (черт, доктор и т. п.).

По степени субъективности информации выделяются объективные мотивы и признаки (характеризуют свойства, действия, ситуации, реально присущие служителю культа: тонзура, черный цвет, проведение крещения и исповеди, особый режим питания и др.) и субъективно-оценочные мотивы и признаки (отражают свойства, действия,

ситуации, которые священнослужителю приписываются субъективно: жадность, греховность / безгрешность, распутство, лицемерие и проч.).

Параграфы 2.2–2.5 «Этнолингвистические портреты служителей культа в русском (польском, украинском, белорусском) языке» представляют собой «галерею» портретов служителей культа в анализируемых языковых традициях.

Даны 17 портретов представителей русского духовенства (*дьякон и дьячок, пресвитер, проб, поп, архиерей, митрополит, патриарх, монах, инок, калогер, чернец, архидьякон, игумен, архимандрит, пономарь, звонарь, богомаз*), 27 портретов – польского (*duchowny, kapelan, kaplan, ksiądz, pleban, pop, proboszcz, wikary, kanonik, prałat, biskup, kardynał, eminencja, papież, mnich, zakonnik, pustelnik, opat, benedyktyn, bernaryn, dominikan, jezuita, kapucyn, karmelita, kantor, kościelny, organista*), 14 портретов – украинского (*алілуйко, дяк, дячок, батюшка, ксьондз, nin, архиерей, біскуп, папіш, законник, монах, чернець, бенедиктинець, єзуїт, капуцин*), 11 портретов – белорусского (*дзяк, ксёндз, поп, езуїт, законнік, манах, пустэльнік, ігумен, архіерэй, арганіст, панамар*).

В качестве примера приведем портрет русских дьякона и дьячка (в народном сознании функции данных служителей практически не различаются, а соответствующие слова этимологически связаны, поэтому представляется возможным объединить их в одно деривационно-фразеологическое гнездо и строить общий портрет).

ДЬЯКОН ‘священнослужитель низшей (первой) степени церковной иерархии, помощник священника при богослужении и совершении таинств’; **ДЬЯЧОК** ‘церковнослужитель в православной церкви; псаломщик’ (от греч. *διάκος, διακωνος* ‘слуга, служитель’).

• **Обрядовые действия**

Важнейшая составляющая портрета дьяка – исполняемые им обрядовые действия: ленингр. *подьячить* ‘совершить церковный обряд, освятить’. Основной обрядовой функцией дьячка и дьякона считается церковное пение, что послужило основой для развития дериватами речевой семантики: новг. *дьячить* ‘говорить, вести беседу’. Речи дьякона присуща песенность: твер. *дьячить* ‘петь церковные песни’, «Поп не покончил (не дочел), а дьякон затянул (запел)»; у глаголов, указывающих на пение дьяка, может развиваться обобщенная семантика: калуж. *дьячить* ‘петь что-либо по нотам, в том числе светское’. Отмечается также монотонность речи дьякона: новг. *дьячить* ‘монотонно петь’. Особый характер речи послужил причиной для развития иронического представления о том, что дьякон «вякает» («Дьякон, дьякон, не все бы ты вякал!») или «блеет» («Что в церкви блеет? <Дьячок>»). Другой чертой речи дьякона является ее громкость: «Дьякон во

весь народ завякал». Существует представление и о многословии дьякона: дон. *как дьякон на амоне* 'о болтливом, многоречивом человеке'. На основе восприятия речи дьякона как монотонной и многословной возникли два мотива – просьбы (новг. *дьячить* 'твердить одно и то же, выпрашивая что-либо') и поучения (пск. *дьячить* 'навязчиво поучать кого-нибудь').

Дьякон также воспринимается как лицо, осуществляющее погребальный обряд: «Умереть бы тебе без попа, без дьякона, без свечей, без ладана, без гроба, без савана!» (бран.).

Обрядовые функции дьякона подчеркиваются лексемой, обозначающей служебное помещение в церкви: прстонар. *дьяконник* 'ризница, особое место, отдел в церкви, где хранятся облачение, одежда и утварь').

• **Связь со сферой сверхъестественного**

Так как дьякон связан с церковной обрядностью, сама его фигура наделяется определенной степенью сакральности. При этом ее «христианская» составляющая может быть утрачена, ср. обозначение обряда земледельческой магии: калуж. *катать дьякона (дьячка)* 'хватать дьякона, дьячка после молебна в вознесенье в ржаном поле и, повалив их на землю, катать, чтобы снопы были высокие, тяжелые'.

Представления о связи дьякона со сферой сакрального (в том числе чудодейственного → целебного), возможно, обусловили аттракцию костр., смол. фитонима *декоп* 'сабельник болотный' к слову *дьякон*, в результате чего сформировалась лексема *дьякон* 'лечебная трава от опухоли'.

Коннотации сакральности, закрепленные за словом *дьякон*, приводят к развитию энантиосемии и приобретению словом бранной семантики, ср. волог. *дьякон* 'бранное слово'. Дополнительным фактором, повлиявшим на возникновение данных значений, мог стать низкий социальный статус дьякона.

• **Социальное положение**

Важной для характеристики дьякона оказывается его принадлежность к социальной группе духовенства и включение в иерархию, существующую в этой группе. Дьякон часто сопоставляется с попом. В этом случае отмечается более низкое положение дьякона в социальной иерархии: «Из попов да в дьяконы».

Дьякон существовал за счет приношений прихожан, что, по-видимому, нашло косвенное отражение в прстонар. *дьяконовка* 'ранняя, небольшая, сладкая порода яблок, идущая только на лакомство в свежем виде'. Причиной для развития такой семантики послужил обычай отдавать священнослужителям и церкви часть первого урожая – новину.

Таким образом, в портрете дьякона выделяются в основном акциональные мотивы (пение, участие в погребальном обряде, получение

новин урожая) и качественные мотивы, отражающие представления о социальном статусе дьякона и его связи со сферой сакрального.

Другой пример – портрет монаха, выполненный на основе украинской языковой традиции.

МОНАХ ‘член религиозной общины, который принял постриг и дал обет аскетичной жизни согласно монастырскому уставу’ (от греч. *μοναχός* ‘одинокий’).

В этнолингвистическом портрете монаха отражены представления о его внешности, а также его поведении и образе жизни.

Важнейшая черта, характеризующая внешний вид монаха, – черный цвет его одежды. Этот признак нашел метафорическое воплощение в общенар. *монашка* ‘ночная бабочка семейства волнянок, у которой передние крылья – белые с черными зубчатыми поперечными полосами, а задние – серые, ее гусеницы – вредители леса’.

Другая значимая черта облика монаха – характерный головной убор: «Не плаче монах, що загубив коблук, та не обрадуєця, хто его й найде» (здесь отмечен не только коблук, но и тяготы жизни монаха). Отражены в языке представления о платке монахини (или таком, который напоминает его по цвету): полес. *монашка* ‘черный, преимущественно теплый платок’, ‘большой черный платок с кистями’, ‘большой шерстяной платок с кистями и яркими цветами’.

Среди черт, характеризующих монашескую жизнь, выделяется затворничество (общенар. *монах* ‘про человека, который живет в одиночестве, избегает общения с людьми’), аскезы и обет безбрачия, который монах дает («Монах, а дірка в штанах», «Що козаку видиться, те монаху сниться»). Признак затворничества → удаленного проживания преломляется в формуле отсыла, ср. общенар. *к монахам* ‘употребляется для выражения неудовлетворения кем- или чем-нибудь, осуждения чего-то, усиления высказанного’; значимо, разумеется, и то, что у слова *монах* есть экспрессивные коннотации, отражающие связь со сферой сакрального → иномирного, сверхъестественного (ср. одноструктурное выражение *к черту*).

Некоторые украинские пословицы воплощают представления о занятиях монахов: переписывании книг, собирании библиотек («Був один мних, що мав много книг, нич не знав із них») и торговле («Без прибутку й монахи не торгують»). Отмечается и то, что монахи нередко существовали за счет поборов с мирян: «Не дай монахові – одніме». Подольск. *монастирки* (от *монастир* ‘монастырь’) ‘дыня обыкновенная, *Melo sativus* L.’, вероятно, мотивировано тем, что монахи занимались огородничеством.

В общенар. *монах* ‘водоспуск у плотины’ («Стави обов'язково роблять спускні, з невеликим трубчастим водоспуском, так званім монахом, з допомогою якого легко регулювати водопостачання») метафорически воплощен признак возвратного движения, отражающий, очевидно, представления о поклонах монахов во время молитвы (ср. рус. пск. *монахи* ‘спусковое устройство в водоеме: опускающиеся и поднимающиеся вертикальные щиты’, польск. *mnich* ‘водоспуск со столбом при пруде’).

В отдельных паремиях отмечаются злость монаха («Монашеська злоба до гроба») и его греховность («І чорт на старість в монахи пішов», «Очнувся монах, аж смерть в головах»).

Приведем также портрет польского капуцина.

KAPUCYN ‘монах ордена св. Франциска, носящий хабит с остроконечным капюшоном’ (от польск. *kapuca, kapuza*, лат. *caputium* ‘головной убор в форме капюшона’).

Во внешнем облике капуцина внимание привлекает одежда. Капуцин носит одеяние коричневого цвета: *kolor kapucyński* ‘коричневый цвет’. Особо отмечается такой элемент одежды, как капюшон: диал. *kapucyn* ‘вид голубя с перьями вокруг шеи в форме капюшона’.

Среди черт, приписываемых капуцину, выделяется его праведность: «Spot tyle ma, jak kapucyn» <Добродетелей имеет столько, сколько капуцин>, однако указывается, что праведность и безгрешность может быть наигранной и неискренней: «Diabeł na starość został kapucynem» <Черт в старости стал капуцином>.

Поскольку капуцины относятся к нищенствующим монашеским орденам, значимым элементом языкового портрета становится их бедность: *goły jak kapucyn* ‘о том, кто беден’. Специфичен режим питания капуцинов: в их монастырях было принято, питаясь один раз в день, есть обильными порциями. Это отражено в малопольск. *kapucyńskie śniadanie* <капуцинский завтрак> ‘нюхательный табак’ (подразумевается отсутствие завтрака). Молчание, обязательное в монастырях в определенные часы, отразилось в паремии «Milczy jak kapucyn» <Молчит, как капуцин>. Капуцины хранят целибат – и в языке отражены представления о его последствиях: диал. *rznąc, trzepać kapucyna* <резать, трепать капуцина> ‘онанировать’, *marsz kapucyński* ‘мастурбация’

Названия получают некоторые продукты, производимые капуцинами в монастырях: *miod kapucyński* ‘сорт меда’.

Капуцины имеют довольно высокий социальный статус, что подтверждается паремиями, где они сопоставляются с представителями других слоев общества: старостой, паном, воеводой: «Albo kapucyn, albo

starosta (wojewoda, pan)» <Или капуцин, или староста (воевода, пан)>, «Dziś starosta, jutro kapucyn» <Сегодня староста, завтра капуцин>.

Таким образом, этнолингвистический портрет капуцина содержит выраженные лексическим материалом объективно-качественные мотивы, мотивы-атрибуты (наличие капюшона и коричневый цвет одежды) и ситуационные мотивы (бедности, режима питания, безбрачия). На основе паремиологии выявляются ситуационный мотив молчания и объективно-качественный мотив, указывающий на социальный статус капуцинов.

Параграфы 2.2–2.5 завершаются выводами, в которых обозначена логика организации галереи портретов, составленных по данным каждой из изучаемых языковых традиций.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА «Закономерности организации этнолингвистических портретов служителей культа в русском, украинском, белорусском и польском языках» содержит три параграфа. В **параграфе 3.1** «Совокупный портрет служителя культа на основе данных русского, украинского, белорусского и польского языков» выявляются сходства и различия в наполнении и мотивной структуре портретов служителей культа в исследуемых языках. Во всех языковых традициях наиболее полно отражены образы священнослужителей средней степени церковной иерархии (рус., бел. *non*, укр. *nin* и польск. *ksiądz*, укр. *ксьондз*, бел. *ксьэндз*), которые имеют постоянный и тесный контакт с прихожанами. На основе русских данных могут быть реконструированы преимущественно портреты православного духовенства, на основе польских – католического. По данным польской языковой традиции полнее и ярче восстанавливаются портреты высших священнослужителей (прелата, епископа, кардинала, Папы Римского) и практически не отражены портреты низших священнослужителей и церковных служек, которые обнаруживаются в русском языке (дьякона, пономаря, звонаря, богомаза). Кроме того, на основе польских данных «вырисовываются» достаточно объемные портреты членов монашеских орденов, которых – в силу разницы православной и католической традиций – нет в русском языке. Более подробная разработка образов высшего и монастырского духовенства может быть обусловлена более тесным контактом с ним носителей народного языкового сознания, в то время как представитель русской традиционной культуры взаимодействовал преимущественно с приходскими священником и служками. Галереи портретов, восстанавливаемых на основе данных украинского и белорусского языков, отличаются малочисленностью и включают в себя как портреты православного, так и католического духовенства.

Значимыми для восприятия представителей духовенства в первую очередь являются объективно-качественные мотивы и мотивы-атрибуты, характеризующие внешний вид служителя культа, а также акциональные, соотносящиеся с богослужебными действиями священника. Так, яркими маркерами духовенства становятся характерные виды одежды, головной убор, прическа, при этом наиболее заметным для носителей традиции признаком оказывается цвет одежды. Если для одеяния православного (восточнославянского) священства характерен только черный цвет (рус. пск. *поп на сивой кобыле ездит* 'шутл. о темной ночи', укр. без указ. м. *nin* 'птица лысуха черная'), то в польском языке, помимо черного цвета, приписываемого одежде ксендза, попа и монаха (шир. распр. *jeść z księdzem* 'есть что-либо подгорелое'), отражены также коричневые «ассоциации» капюцина (*kolor kapucyński* <капуцинский цвет> 'коричневый'), фиолетовые – епископа (*biskupowy* 'фиолетовый'), красные – кардинала (*kardynał* 'растение губастик красный').

Во всех четырех традициях наиболее значимыми по отношению к представителям немонастырского духовенства являются оценочно-качественные мотивы, связанные с чертами характера, и объективно-ситуационные, относящиеся к обрядовым действиям, – тогда как ситуационные мотивы, связанные с образом жизни и особенностями поведения, присущи в большей степени образам монастырского духовенства. Представления о хозяйственном укладе наиболее полно отражены в портретах немонастырского духовенства, при этом образы животных, которых содержит священник, фиксируются только в качестве атрибутов восточнославянского попа (рус. яросл. *попова собачка* 'гусеница бабочки', укр. *дере голову*, як *попова кобила*, укр. надднепр. *попова свинка* 'бескрылый серый кузнечик, который водится на полях', бел. брест. *разумны, як папова свіння* 'про чей-то небольшой ум', укр. житомир., днепр. *розумний, як попова курка (коза)* 'о глупом человеке' и др.) и не обнаружены в польском языке.

Языковое отражение находит различие православной и католической традиции, связанное с семейным положением священника. В восточнославянских языках выделяется образ попадьи и поповых дочерей (рус. сиб. *попадья* 'одуванчик, «если с него не сдувается цветок, похожий на пух»', бел. гомельск. *спаць, як паповы дочки* 'спать спокойно, бесхлопотно'), а мотив безбрачия возникает только по отношению к черному духовенству (рус. сиб. *монашитель* 'жить холостяком'). Что касается польской языковой традиции, питаемой католичеством, то мотив безбрачия является общим для образов всех священнослужителей и обнаруживается как в этнолингвистическом портрете монаха, так и в портрете ксендза (кашуб. «*Cjè tje za jeden, cjè drëgim daje ògце цун сом ні мо*» <Что за человек,

который другим дает, чего он сам не имеет» (о ксендзе, который совершает обряд венчания), польск. диал. *mniszek* 'кастрированное животное').

В параграфе 3.2 «Тематические сферы вторичной семантики обозначений служителей культа» анализируются отдельные тематические сферы, в которых обнаруживаются семантические дериваты, образованные от наименований служителей культа.

Выделяются 3 тематические макрогруппы. Самая большая макрогруппа «Природа» включает в себя сферы «Растительный мир» (содержит 173 языковых факта, например, рус. диал. *пон*, бел. могил. *ксьндз*, польск. *mnich* 'одуванчик') и «Животный мир», состоящую из подгрупп «Насекомые» (22 факта: рус., укр. общенар. *монашка* 'ночная бабочка из сем. волнянок', великопольск. *kšoc* 'садовый клоп' и др.), «Рыбы» (8 фактов: рус. диал. *попадья* 'бычок-подкаменщик', нижегор. *монах* 'подуст обыкновенный'), «Гады» (3 факта: рус. костр. *пон* 'головастик', кашуб. *kantor* 'жаба'), «Птицы» (19 фактов: рус. смол. *монашенка* 'о черной галке', польск. *mnich* 'тетерев во время смены оперенья'), «Дикие и домашние животные» (4 факта: рус. диал. *лесной архимандрит* 'медведь', польск. *kantor* 'корова').

Меньшей наполненностью характеризуются макрогруппы «Материальная и духовная культура»: «Предметы быта» (48 фактов: рус. арх. *попók* 'шарик как украшение на спинке деревянной кровати', польск. *mnich* 'сосуд для отделения золота и серебра в печи') и «Игры и игровые принадлежности» (42 факта: рус. арх. *попов гонять* 'играть в лапту', польск. *mnich* 'одна из фигур в шахматах: слон').

Макрогруппа «Человек» содержит следующие разделы: «Физические особенности» (20 фактов: рус. калуж. *звонáрь* 'глухой человек', польск. *bernardyński* 'толстый, откормленный'), «Черты характера и интеллект» (35 фактов: укр. херсон. *держитесь за своє, як єзуїт* 'о скупом, упрямом человеке', бел. брест. *разумны, як папова свіння* 'глупый'), «Образ жизни» (17 фактов: рус., укр. *монах* 'о человеке, живущем уединенно'), «Речь» (45 фактов: рус. новг. *дьячить* 'говорить, вести беседу', укр. львов. *говорить, як піп на казанню* 'произносит торжественным тоном'), «Физиологические состояния: болезни и смерть» (20 фактов: рус. дон. *глядеть на попово гумно* 'быть близким к смерти', укр. лемк. *піп до кишéні* <кармана> *взяв* 'о том, кто умер').

Выделение тематических сфер позволяет выявить наиболее активные модели возникновения переносных значений. Таковыми, например, являются модели 'священник / его атрибут → растение' (рус., бел. *пон*, бел. *ксьндз*, польск. *mnich* 'одуванчик'), 'монах → спусковое устройство в водоеме' (рус. пск. *монахи*, укр. общенар. *монах*, польск. *mnich*), 'попасть в хозяйство к священнику → умереть' (укр. лемк. *піти попове до мішка*

‘умереть’, бел. *na papoovy sani zbiraцца* ‘умирать’, польск. *na księżą oborę ruijść* <на ксендзов двор пойти>).

В параграфе 3.3 «Сопоставительный анализ мотивационной структуры портретов в различных языках» выделяется несколько вариантов реализации мотивов, лежащих в основе портретов: ▪ мотив проявлен в одном/нескольких языках, но не проявлен в остальных (например, для польского языка уникален мотив коричневого цвета одеяния священнослужителя, а для восточнославянских – такая портретная деталь, как длинные волосы священников), ▪ мотив проявлен во всех / нескольких языках, но субстанциональные коды, при помощи которых он выражается, различны (такая деталь, как клобук, в русском языке отражается в лексических фактах: твер. *клобук поповский* ‘рогоз узколистый’, а в украинском – в паремиологических: «Знайшов чернець клобук – не возрадувався, а загубив – не спечалився»), ▪ мотив выражен при помощи одного и того же кода во всех / нескольких языках, но факты, в которых он проявляется, не образуют семантико-мотивационных параллелей (мотив тонзуры реализован в рус. диал. *попово гуминце* ‘одуванчик’, укр. львов. *ксьбндзик* ‘королек желтоголовый, *Regulus regulus*’, польск. *ksądz* ‘дыра в одежде – на колене или локте’), ▪ мотив проявлен в одном и том же коде во всех / нескольких языках, и факты, в которых он выражается, образуют семантико-мотивационные параллели.

Семантико-мотивационные параллели можно классифицировать по двум основаниям. При классификации по форме языкового воплощения следует учитывать два фактора: морфосинтаксический (наличие / отсутствие словообразовательного или синтаксического изоморфизма между параллельными единицами) и образный. Выделяется 4 типа параллелей: ▪ обладающие изоморфизмом и тождественные в плане организации образа (рус. ср.-урал. *архиерейская метла* ‘растение вейник незамеченный’ // укр. харьк. *архіерейська мітла* ‘польнь однолетня’); ▪ обладающие изоморфизмом и имеющие различия в плане образной организации (укр. вост.-слобожан. *рудий піп хрестив* ‘о человеке некрасивом, рыжем, с веснушками’ // бел. *дурны поп хрысціў* ‘о том, кто глуп или наивен, недогадлив’); ▪ не обладающие изоморфизмом, но тождественные в плане образной организации (рус. новг. *как попова риза* ‘о длинной одежде’ // укр. вост.-слобожан. *як батюшка* ‘о том, кто в длинной одежде’); ▪ не обладающие изоморфизмом и имеющие различия в плане образной организации (рус. костр. *пон* ‘растение пижма’ // кашуб. *ksążi kolnér* <ксендзов воротник> ‘то же’).

Другое основание классификации – по характеру отношений между внутренними формами и значениями языковых фактов. С этой точки зрения семантико-мотивационные параллели подразделяются на: ▪ имеющие

полное тождество внутренних форм и значений (рус. литер. *монашенка*, *монашка* ‘ночная бабочка из сем. волнянок с черными полосами и пятнами на крыльях и брюшке’ // укр. общенар. *монашка* ‘то же’ // польск. *mniszka*, *zakonnica* ‘бабочка, опустошившая леса Баварии’); ▪ имеющие полное тождество внутренних форм и неполное подобие семантики (рус. свердл. *ноп* ‘навозный жук’ // укр. *nip* ‘золотистая бронзовка, *Cetonia aurata*’); ▪ имеющие коррелятивность (синонимия, антонимия) внутренних форм и тождество семантики (рус. калуж. *монах* ‘голубь очень темной окраски’ // польск. диал. *karmelitek* ‘птица из семейства голубиных’ // *карисуп* ‘вид голубя с перьями вокруг шеи в форме капюшона’; рус. дон. *глядеть на попово гупно* // укр. лемк. *позерати попове до мійшка* // бел. *глядзецъ на паповы сани* // польск. *patrzyć, oglądać się na księża oborę* <смотреть на ксендзов двор> ‘быть близким к смерти’); ▪ имеющие коррелятивность внутренних форм и неполное подобие семантики (рус. простонар. *дьяконовка* ‘ранняя, небольшая, сладкая порода яблок, идущая только на лакомство, в свежем виде’ // дон. *попóвка* ‘сорт мелких ранних груш’ // польск. мазов. *księdzówka* ‘ранний картофель’).

В ЗАКЛЮЧЕНИИ обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ:

1. *Синица Н. А.* Языковой образ священнослужителя в русской и польской традициях (рус. *ноп*, польск. *ksiądz*) / Н. А. Синица // Славянский альманах 2012. – М. : Индрик, 2013. – С. 410–425. (0,5 п. л.)
2. *Синица Н. А.* К сопоставительному изучению языковых образов монахов в славянских языках / Н. А. Синица // Славяноведение. – 2015. – № 4. – С. 39–49. (1 п. л.)
3. *Синица Н. А.* К вопросу о параметрах этнолингвистического портрета (на материале портретов служителей культа в славянских языках) / Н. А. Синица // Научный диалог. – 2016. – Вып. № 12 (60). – С. 170–184. (0,7 п. л.)
4. *Синица Н. А.* Образы христианских служителей культа в славянских народных названиях растений // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2: растения в языке и культуре / Сост. В. Б. Колосова. – СПб. : Изд-во «Наука», 2017. – С. 236–252. (0,75 п. л.)

Другие публикации:

5. *Синица Н. А.* Рус. *пон* в зеркале диалектной метафоры / Н. А. Синица // Слово в традиционной и современной культуре : тез. межвузовской конференции молодых ученых (15 мая 2010 г., Екатеринбург) / под ред. Л. А. Феоктистовой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – С. 69–71. (0,125 п. л.)

6. *Синица Н. А.* Христианское богослужение в отражении лексики русских народных говоров / Н. А. Синица // Материалы Междунар. молодежного научного форума «Ломоносов–2011» / ред. Е. И. Кислова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 20–22. (0,15 п. л.)

7. *Синица Н. А.* *Монах* в зеркале русской языковой и фольклорной традиции / Н. А. Синица // Слово в традиционной и современной культуре : тез. межвузовской конференции молодых ученых (21 мая 2011 г., Екатеринбург) / ред. колл. О. В. Атрошенко, Е. О. Борисова, Е. С. Коган и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 68–70. (0,125 п. л.)

8. *Синица Н. А.* Церковная речь в зеркале русской диалектной лексики / Н. А. Синица // *Linguistica Juvenis* : Сборник научных трудов молодых ученых. – Вып. 13. – Екатеринбург, 2011. – С. 145–156. (0,6 п. л.)

9. *Синица Н. А.* К построению языкового образа священнослужителя (на материале русской и польской языковой традиции) [Электронный ресурс] / Н. А. Синица // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика. Конференция студентов и аспирантов : сборник тезисов Санкт-Петербург, 22–24 марта 2012 г.). – С. 90–94. – Режим доступа: http://www.eu.spb.ru/images/et_dep/conf/tezisy_fa_22-24.03.2012.pdf (0,25 п. л.)

10. *Синица Н. А.* Образы низшего духовенства в русской языковой традиции / Н. А. Синица // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф. : в 2 ч. (8–10 сентября 2012 г., Екатеринбург) / под ред. Е. Л. Березович. – Ч. 2. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 93–94. (0,13 п. л.)

11. *Синица Н. А.* Образ монаха в славянской языковой картине мира / Н. А. Синица // Слово в традиционной и современной культуре : тез. IV межвузовской конференции молодых ученых (18 мая 2013 г., Екатеринбург) / отв. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 70–72. (0,125 п. л.)

12. *Синица Н. А.* К изучению лексики, образованной от наименований священнослужителей, в русских, польских и украинских говорах / Н. А. Синица // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии : материалы международной научной конференции (26–28 ноября 2013 г., Москва) / ред. колл. М. Л. Ремнёва, К. В. Никифоров, Н. Е. Ананьева, и др. – М. : МАКС Пресс, 2013. – С. 338–340. (0,14 п. л.)

13. *Синица Н. А.* Образы служителей христианского культа в славянской народной фитонимии / Н. А. Синица // Слово в традиционной и современной культуре : тез. V межвузовской конференции молодых ученых (17 мая 2014 г., Екатеринбург) / отв. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 45–47. (0,15 п. л.)

14. *Синица Н. А.* Образы священнослужителей в текстах малых жанров русского, украинского и польского фольклора / Н. А. Синица // Живая Старина. – 2014. – № 4. – С. 45–47. (0,5 п. л.)

15. *Синица Н. А.* Православные и католические монахи в зеркале языка и малых фольклорных жанров (на материале славянских традиций) / Н. А. Синица // Фольклористика и культурная антропология сегодня II : сборник тезисов Международной научной конференции молодых ученых / сост. А. С. Архипова, Д. С. Николаев, Н. Н. Рычкова. – М. : РГГУ, 2015. – С. 51–54. (0,15 п. л.)

16. *Синица Н. А.* Образы высшего духовенства в славянских языковых традициях / Н. А. Синица // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. (7–11 сентября 2015 г., Екатеринбург) / под ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 240–243. (0,13 п. л.)

17. *Синица Н. А.* Образы служителей культа в текстах малых фольклорных жанров (на русском, украинском, белорусском и польском материале) / Н. А. Синица // III Всероссийский конгресс фольклористов (3–7 февраля 2014 г., Москва) : сб. науч. ст. в 5 т. / сост. В. Е. Добровольская, Е. А. Дорохова, И. В. Дынникова, А. Б. Ипполитова. – Т. 1 : Актуальные проблемы российской фольклористики. – М. : РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017. – С. 220–228. (0,7 п. л.)